

История



Научная статья
УДК 94(575.1+575.2+575.3+575.4)
EDN: OTTKCU
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2026-1-72-81>

Общественная дискуссия вокруг установки монументальных памятников участникам туркестанских походов в Туркестанском крае (конец XIX – начало XX в.)

Д.В. Кирильчик

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье анализируется общественная мысль, касавшаяся темы исторической памяти об участниках туркестанских походов, форм монументального увековечивания памяти о деятелях, обеспечивших присоединение Туркестанского края к Российской империи. В рамках темы рассматривается спектр мнений участников дискуссии вокруг установки военных памятников в Туркестане, включая позицию «старых туркестанцев», представителей государственной власти, востоковедов, публицистов и других публицистов. В процессе изучения материалов автор приходит к ряду выводов. Наибольший интерес в обсуждении проектов монументальной коммеморации проявили общественные деятели консервативного уклона, которые, несмотря на общую близость взглядов, зачастую занимали полярные позиции. Обсуждение самой идеи установки монументальных памятников началось ещё в период активных военных кампаний в Туркестане, но наибольший пик пришёлся на начало XX в., когда коммеморативная политика империи обратила большее внимания на азиатские события военной истории России. Сама же дискуссия коснулась темы соотношения заслуг «завоевателей» и «устроителей», национального аспекта («русские против немцев»), выбора места и формы монументального сооружения, а также поиска средств на эту работу. В ходе длительных дискуссий не было выработано консенсуса даже в основном вопросе, кому следует посвящать памятник. Сам процесс бурных обсуждений в прессе и публицистике отражал собой противоречия имперской политики памяти: между централизацией нарратива и локальными трактовками, амбициями и ресурсами, культом героев и поиском общего образа региона. Исследование основано на анализе периодической печати («Туркестанские ведомости», «Русский инвалид», «Гражданин» и др.), публицистики и мемуарных источников.

Ключевые слова: Туркестан, Туркестанский край, Ташкент, консерватизм, историческая память, коммеморация, военные памятники, М.Г. Черняев, М.Д. Скобелев, М.О. Микешин, К.П. фон Кауфман, имперская политика

Для цитирования: Кирильчик Д.В. Общественная дискуссия вокруг установки монументальных памятников участникам туркестанских походов в Туркестанском крае (конец XIX – начало XX в.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2026. Т. 22. № 1. С. 72–81. DOI: 10.21285/2415-8739-2026-1-72-81. EDN: OTTKCU.

History

Original article

Public debate surrounding the installation of monumental memorials to participants of the Turkestan Campaigns in the Turkestan Region (late 19th - early 20th centuries)

Denis V. Kirilchik

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article analyzes public thought concerning the issue of historical memory of the participants in the Turkestan campaigns and the forms of monumental commemoration of figures who ensured the incorporation of the Turkestan Region into the Russian Empire. Within this framework, the study examines a range of opinions expressed in debates over the installation of military monuments in Turkestan, including the positions of the so-called “old Turkestanis,” representatives of state authorities,

© Кирильчик Д.В., 2026

Orientalists, publicists, and other commentators. In the course of analyzing the materials, the author arrives at a number of conclusions. The greatest interest in projects of monumental commemoration was shown by conservative-minded public figures who, despite a general proximity of views, often occupied polar positions. Discussion of the very idea of erecting monumental memorials began as early as the period of active military campaigns in Turkestan, but reached its peak in the early twentieth century, when imperial commemorative policy began to pay greater attention to Asian episodes of Russia's military history. The debate itself addressed the correlation between the merits of the "conquerors" and the "organizers," the national aspect ("Russians versus Germans"), the choice of location and form of the monument, as well as the search for financial resources. During the prolonged discussions, no consensus was reached even on the fundamental question of whom the monument should be dedicated to. The very process of intense debate in the press and publicist writings reflected the contradictions inherent in imperial memory politics: between the centralization of historical narratives and local interpretations, ambitions and resources, the cult of heroes and the search for a shared image of the region. The study is based on an analysis of periodical press sources (*Turkestanskije Vedomosti*, *Russkii Invalid*, *Grazhdanin*, among others), as well as publicist and memoir materials.

Keywords: Turkestan, Turkestan region, Tashkent, conservatism, historical memory, commemorative dates, war monuments, M.G. Chernyaev, M.D. Skobelev, M.O. Mikeschin, K.P. von Kaufman, imperial policy

For citation: Kirilchik D.V. (2026) Public debate surrounding the installation of monumental memorials to participants of the Turkestan Campaigns in the Turkestan Region (late 19th - early 20th centuries). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 22. No. 1. P. 72-81. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2026-1-72-81. EDN: OTTKCU.

Сохранение исторической памяти, особенно памяти о военных победах и полководцах с давних пор играет важнейшую роль в формировании национальной идеологии. Нарративы о героях прошлого особенно важны для государства имперского типа, которые проводили активную внешнюю политику, в том числе, завоевательную. Сохранение такой памяти имеет значение не только для столицы, но и для регионов и, прежде всего, тех из них, что вошли в состав империи в результате успешной военной кампании. К таким регионам принадлежал и Туркестанский край, где проводилась своя коммеморативная политика.

Ключевую тему в политике формирования коллективной исторической памяти в Туркестане играла тема военных походов в Средней Азии, поскольку это основной символ, связывающий регион с остальной Россией. Кроме того, Туркестанский край с самого начала управлялся военными чиновниками, подчинявшимися Военному министерству, которое определяло и направление политики памяти в регионе. В связи с этим подавляющее число монументальных памятников, как примеров материального отражения исторической памяти, было посвящено военным деятелям.

Процесс установки памятников затянулся на долгие годы, и первые «настоящие» памятники стали появляться только со второй половины 1880-х гг., сконцентрировавшись главным образом в Ташкенте, – это было связано не только со статусом административного центра Русского Туркестана, но и с особой исторической ролью города в

процессе формирования территории края, поскольку взятие города малыми силами и по личной инициативе М.Г. Черняева, и заложило основу для последующего формирования национального мифа о туркестанских походах.

Процесс проектирования и установки памятников военного характера в Туркестане породил вокруг себя обширную дискуссию в общественной мысли, главным образом, в её консервативных кругах. Дискуссия оказала большое влияние не только на выбор самих памятников и их облик, но и на то, как общество представляло себе выдающихся деятелей эпохи туркестанских походов, кого выделяло среди них как наиболее талантливых и какое место в исторической памяти должен играть «коллективный» русский солдат-туркестанец.

Коммеморативная практика имперской эпохи изучалась и изучается рядом авторов, в чьих работах присутствует и туркестанская тематика. Наибольшая активность исследователей в этой области прослеживается в последние годы. Здесь необходимо отметить публикации нескольких современных историков. В.В. Лапин (Лапин, 2016; Лапин, 2020а; Лапин, 2020b) исследовал сам характер общеимперской коммеморативной практики в отношении как Туркестана вообще, так и отдельных лиц туркестанских походов, а также военных событий в целом. Сравнение российского и британского опыта коммеморации военных событий на примере Иканского дела в Туркестане и сражения при Роркс-Дрифте в Южной Африке провёл В.В. Курков, исследовавший и другие вопросы по-

литики памяти (Курков, 2023а; Курков, 2023b). В исследовании Р.Н. Рахимова (Рахимов, 2016) поднимается тема коммеморации туркестанских походов в настоящее время. Коммеморативную практику в Туркестанском крае на примере общеимперского празднования 300-летия Дома Романовых исследовала А.П. Рыжова (Рыжова, 2021). Кроме того, тема коммеморации прочих военных событий российской истории исследовалась в работах ряда других современных российских историков А.С. Лизогуб (Лизогуб, 2024а, Лизогуб, 2024b; Лизогуб, 2025), Ю.А. Жердевой (Жердева, 2015), Д.С. Ткаченко (Ткаченко, 2017), Р.Ю. Батищева (Батищев, 2021), Д.Н. Прасолова (Прасолов, 2022), А.В. Буганова (Буганов, 2010), Д.А. Сосницкого (Сосницкий, 2023).

Особое место в коммеморативной практике Туркестана занимали два военных события и два связанных с ними ключевых лица: взятие Ташкента отрядом генерала М.Г. Черняева в 1865 г. и штурм крепости Геок-Тепе силами Ахалтекинской экспедиции генерала М.Д. Скобелева. Столь высокая значимость этих событий обусловлена несколькими важными причинами. В каждом случае победа привела к серьёзным геополитическим изменениям, поскольку Ташкент – крупнейший город региона и столица Туркестанского края в будущем, а штурм Геок-Тепе – последняя значимая веха среднеазиатских походов, в большей степени завершившая собой эпоху крупных битв в Средней Азии. Кроме того, важное значение имеет масштаб каждого сражения, который превосходил прочие битвы, сами же сражения проводились в условиях подавляющего превосходства противника не в поле, а в ходе штурма укреплений. Важнейшую роль при выделении именно этих эпизодов играют и личности командующих: Черняев и Скобелев известны не только успешными действиями в Туркестане, но и как патриоты и защитники славянства. По сути, ташкентская кампания зародила национальный миф покорения Туркестана, а ахалтекинские походы его подчеркнули. Третьим ключевым лицом туркестанской коммеморации является К.П. фон Кауфман – первый генерал-губернатор Туркестанского края, успешный полководец, одержавший победы над Бухарой и Хивой. За свои заслуги посмертно фон Кауфман был признан в общественной мысли «строителем» Туркестана. Внимание

настоящей статьи будет сконцентрировано вокруг памятников, связанных с деятельностью этих выдающихся военных деятелей, а также вокруг идеи военного памятника в Туркестане вообще.

Сама идея открытия военного памятника участникам туркестанских походов зародилась ещё в период активных военных кампаний в регионе, а наибольшую активность обсуждение этой темы приобрело в начале XX в., когда после поражения в Русско-японской войне государство стремилось использовать военную коммеморацию для интеграции всех слоёв населения (Лизогуб, 2024с. С. 35), что провоцировало дискуссии в прессе. Идеинная борьба вокруг установки памятников привлекла к себе много внимания со стороны самых разных представителей военных кругов и интеллигенции.

В связи с этим открытие памятников даже не в юбилейные годовщины этих событий вызывало большой интерес. К примеру, на 21-й год взятия Ташкента «Туркестанские ведомости» посвятили новости об освящении памятника над могилой погибших при штурме Ташкента солдат больше целой страницы текста (Освящение памятника над прахом убитых при штурме Ташкента // Туркестанские ведомости (г. Ташкент), 1886. № 23. 17 июня. С. 1–2). Судьба у этого памятника была непростая. С установкой памятника был связан ряд вопросов, включая долгую потребность в таком памятнике у ветеранов и тяжёлый поиск средств на реализацию масштабного памятника. Впервые идею такого памятника озвучили ещё в 1872 г., но по итогу ограничились лишь закладной плитой. В 1875 г. к идее памятника вернулись и начался сбор средств на установку, но ограниченный лишь Сыр-Дарьинской областью, он принёс менее 3000 рублей. В последующем ускорить работу по установке памятника пытался М.Г. Черняев, ставший генерал-губернатором в 1882 г. Он предложил установить новый памятник павшим по грандиозному проекту известного художника, архитектора и скульптора М.О. Микешина, стоимость которого оценивалась в 40–45 тысяч рублей. Проект представлял собой скульптурное изображение туркестанского стрелка в походной форме и кепи с назатыльником, водружающего русское знамя на трофейные кокандские пушки. Позже эта деталь была заменена полуразрушенной крепостной башней Ташкента (Забытая

Россия..., 2006. С. 56)¹. Памятник отличался грандиозным масштабом. По подписке удалось собрать незначительные средства: по данным, приведённым в том же номере «Туркестанских ведомостей», около 900 рублей.

В 1885 г. идею установки мемориала возродил военный губернатор Сыр-Дарьинской области Н.И. Гродеков, который решил отказаться от грандиозного мавзолея в пользу небольшого памятника, т. к. его проще реализовать. Памятник представлял собой часовню с чугунной доской внутри, на которой были выбиты имена павших при штурме Ташкента. Там же размещались иконы Спасителя и Распятия, с лампадой, и аналой, которым пользовалось духовенство во время совершения панихид в памятный день 15 июня. С надписью на часовне закреплялась надпись «Памяти воинов, павших при штурмах города Ташкента в 1864 и 1865 годах, где лежащих. Сооружен в царствование Императора Александра III иждивением жертвователей, лета 1886». Для устройства памятника и приведения в порядок Камеланского кладбища были использованы средства из городского бюджета и прежних сборов. Установка памятника производилась в торжественной обстановке. Прежде всего, был устроен крестный ход, начинавшийся из военной Иосифо-Георгиевской церкви, панихида на братском кладбище, в которой принимали участие делегации от военных и гражданских учреждений, а сопровождалось мероприятие строем военных. Присутствовали и делегации от жителей азиатской части Ташкента (более 100 человек) и особенно интересно, что акцент был сделан на приглашении именно тех людей, кто 21 год назад прибыл в ставку Черняева с выражением покорности и предложением сдачи города. Таким образом, памятное мероприятие должно было охватить несколько целей. Прежде всего, почтить память погибших, но и дополнительно подчеркнуть значимость этой победы именно для местного населения. Здесь уместно уточнить, что эта демонстрация касалась, прежде всего, элит, но не всего населения.

Интересно, что даже при отсутствии прочих памятников, посвящённых событиям 1865 г., у установки этого памятника нашлись критики. Здесь уместно привести мнение П.И. Шрейдера, бывшего старшим адъютантом штаба войск Туркестанской области и исполнявшим дела личного секретаря М.Г. Черняева, его соратника по сербско-турецкой войне 1876–77 гг. В пику официальному тону «Туркестанских ведомостей», с восхищением отмечавших установку памятника, Шрейдер пишет: «Вместо проектированного памятника, где-то в глухом месте, куда никто не ходит, выстроена убогая часовенька, сооруженная на частную подписку, по которой собрано 2000 р. и 1500 пожертвовано городом. Выбор места по меньшей мере крайне неудачен. <...> От самой крепости до въезда в сартовский город, на протяжении около 200 саж., тянется еще довольно сносный переулочек, но далее путь невозможен. Весною и осенью от грязи нет проезда ни в каком экипаже, кроме сартовской арбы. Зимой же, едва грязь замерзнет, рывтины, глубокие колеи кривых, ужасных переулочков тем более никого не пропускают, кроме тех же сартов. Летом глинистая, сухая почва до такой степени размельчается, что от движения даже одного всадника переулочки буквально закрываются непроницаемою как бы желтою пеленою от поднявшейся и стоящей в воздухе тончайшей пыли, — и это на протяжении около четырех верст до Камелановских ворот, где был первый бой. <...> Говорят, что это захолустье выбрано потому, что тут похоронены убитые... Могила, конечно, могла бы оставаться; но раз памятник поставлен в честь памяти погибших, то, казалось бы, удобнее было воздвигнуть его на таком месте, где воспоминание об них было бы доступнее. Сто тысяч русских костей засыпаны на Балканском полуострове, однако «Слава» красуется в Петербурге» (Шрейдер, 1892. С. 6).

Памятник генерал-губернатору Туркестанского края К.П. фон Кауфману, открытый в 1913 г., вызвал гораздо более бурные обсуждения и споры в прессе и публицистике. Инициатива по установке памятника была выдвинута Гродековым, а 9 января 1907 г. была объявлена подписка на сооружение памятника, собравшая за год 80 тысяч рублей (Муштафин, 1910. С. 475); в числе жертвователей был, к примеру, и наследник эмира Бухары (Разные известия // Сибирская жизнь (г. Томск), 1910. № 282. 18

¹ Забытая Россия: проекты памятников и монументальная скульптура XVIII – начала XX века [каталог выставки / авт. вступ. ст. Елена Карпова; авт. аннот. и биографий: Алексей Алексеев и др.]. Санкт-Петербург: Palace Editions, 2006. 118, [1] с.

декабря. С. 1). По изначальному проекту, предложенному Гродековым, предполагалось разместить на барельефе памятника бюсты М.Г. Черняева и М.Д. Скобелева, при этом они названы «сотрудниками» К.П. фон Кауфмана, по поводу чего критически отозвался князь В.П. Мещерский. В своём «Дневнике» от 19 января 1908 г. в номере газеты «Гражданин» (Дневники // Гражданин (г. С.-Петербург), 1908. № 6. 19 января. С. 12) он утверждает, что если Скобелев сам подчёркивал, что является учеником К.П. фон Кауфмана, то Черняев был совершенно самостоятельной фигурой и при всём уважении к заслугам «туркестанского устроителя» фон Кауфмана Черняев должен быть отмечен, прежде всего, поскольку взятием Ташкента обеспечил саму деятельность фон Кауфмана. Неуместность такого размещения он объясняет следующим образом: «это всё равно, например, что поставить памятник одному из екатерининских генералов, прославивших себя боевыми лаврами и на барельефе поставить Суворова». Вместо этого бюсты Скобелева и Черняева предлагается разместить у подножия памятника Александру II, поскольку это полководцы, «создавшие лучи славы для царствования» этого императора. Дополнительное возмущение Мещерского вызвало и решение о выборе места памятника фон Кауфману, где предполагалось поставить памятник по проекту Микешина. Ему вторит генерал П.Д. Паренсов, поддержавший это мнение на страницах «Голоса Правды»: «Черняев был “завоеватель”, а Кауфман – “устроитель”. “Завоеватель” может стоять у подножия только “повелителя”, Монарха, но отнюдь не преемника, хотя бы и вполне достойного преемника “устроителя”» (Паренсов П. Военные мысли // Голос правды (СПб), 1908. № 720. 8 февраля. С. 4). Сам Паренсов как и Черняев был деятельным участником панславянского движения, поэтому такая комплиментарность может вызвана не только чувством справедливости, но и духом товарищеской солидарности соратнику по взглядам.

С жёсткой критикой проекта памятника выступил и известный издатель и журналист А.С. Суворин. В одном из своих «Маленьких писем» в «Новом времени» он опубликовал заметку, в которой так же подверг критике идею расположить портреты М.Д. Скобелева, М.Г. Черняева, А.К. Абрамова и Г.А. Колпаковского у подножия памятника К.П. фон

Кауфману. В своём «письме» он указывает на национальное унижение таким шагом, поскольку «родись эти генералы с немецкими фамилиями, они не попали бы в подножие Кауфману» (Суворин А. Маленькие письма. ДССХХХ // Новое время (г. Санкт-Петербург), 1908. № 11484. 2 (15) марта. С. 3). Суворин подчёркивает, что «без Черняева не было бы Кауфмана в Туркестане, но без Кауфмана были бы и Черняев, и Скобелев», а Гродеков, выступивший заказчиком памятника, своим поступком лишь подчёркивает свою личную неприязнь к Черняеву, которую, по словам автора, проявлял и прежде. Продолжая тему национального вопроса, Суворин предполагает, что подобное принижение выдающихся русских деятелей давно стало обыденным делом, а эту «забавную и оскорбительную нелепость следует устранить».

Продолжая национальную повестку вокруг памятника фон Кауфману, вторит ему и А.М. Черняева, дочь генерала. Она пишет, что благодаря огласке и прямому обращению к Александру III через министра двора Фредерикса «имена, любимые Русским народом, избегли унижения очутиться у подножия представителя Немецкой ограниченности» (Черняева, 1909. С. 526). Впрочем, Черняева указывает и на личные недостатки Гродекова и фон Кауфмана как генералов и администраторов, что к национальному подтексту добавляет и якобы личную неприязнь между ними и М.Г. Черняевым.

На страницах всё того же «Русского архива» в полемику с ней вступает В.А. Мустафин, управляющий канцелярией Туркестанского генерал-губернатора, утверждающий, что ни о каком конфликте между Гродековым и Черняевым речи идти не может, поскольку Гродеков приложил усилия и к постановке бюста М.Г. Черняева перед домиком в Ташкенте, где жил генерал после взятия города. По поводу памятника фон Кауфману Мустафин избегает национальной темы, но указывает: «как ни велики заслуги перед родиной Черняева», масштабы деятельности Черняева и фон Кауфмана несопоставимы (Мустафин, 1910. С. 475). В свою очередь, это вполне можно считать официальной государственной позицией по вопросу, кроме того, Мустафин работал в период генерал-губернаторства Гродекова, что также накладывает личные мотивы.

Н. Путинцев в «Русском инвалиде» кроме прочего указывает на то, что в 1913 г. отмечалось соро-

калетие Хивинского похода 1873 г. и установка памятника «замечательному администратору и военачальнику» (Путинцев Н. Сорокалетие покорения Хивинского ханства // Русский инвалид (г. С.-Петербург), 1913. № 114. 31 мая. С. 3–4) фон Кауфману весьма вовремя.

Отношение Русской православной церкви к установке памятника было благоприятствующее, поскольку церковь рассматривала фон Кауфмана как ревнителя православной веры, который «уважал и поддерживал религиозное знамя православия в мусульманском крае» (Шавельский, 1913. С. 435), как пишет в отчёте о празднествах по поводу открытия памятника настоятель Спасо-Преображенского военного собора протоиерей К.Н. Богородицкий. Впрочем, в дискуссию «Кауфман или Черняев» церковь не вмешивалась, стараясь соблюдать баланс: в статье «Туркестанских епархиальных ведомостей», посвящённой 50-летию со дня взятия Ташкента, автор ставит вопрос о необходимости возведения в Ташкенте «подобающего памятника своего основателю» – М.Г. Черняеву (Кит-ко, 1915. С. 452). Идею о создании отдельного памятника Черняеву поднимал в своей записке и уже упоминавшийся П.И. Шрейдер, считавший, что если объявят сбор средств на возведение памятника Скобелеву, то и реализовать проект Микешина будет «справедливым делом», поскольку даже сам Скобелев «называл себя “учеником Черняева”, хотя ни одного дня не служил с ним» (Шрейдер, 1903. С. 24). Подписка на этот памятник была объявлена 22 марта 1914 г. по высочайшему соизволению императора Николая II (Высочайшие приказы. Апрель 14 дня, № 98 // Русский инвалид (г. С.-Петербург), 1914. № 96. 3 мая. С. 2), но осуществить запланированное не успели ввиду начавшейся мировой войны. Существовавший в Черняевском саду Ташкента бюст Черняева был устроен в 1907 г. благодаря финансовой поддержке великого князя Николая Константиновича и военного ведомства (Добросмыслов, 1912. С. 194).

В конечном итоге проект был пересмотрен и открытый памятник включал в себя фигуру Кауфмана и две солдатские фигуры рядом. Идея с солдатом, водружающим знамя над поверженной крепостью, здесь воплотили в изменённом виде, рядом была размещена фигура горниста. Барельефы других полководцев у подножия не были размещены.

Комментируя объявленный в 1907 г. сбор средств на установку памятника фон Кауфману, не назвавшийся автор заметки в «Русском инвалиде» добавляет, что в этом же году исполнилось ещё и 25 лет со дня смерти М.Д. Скобелева, который также заслуживает иметь в Туркестане свой памятник, при этом сам «устроитель Туркестана» не принижается перед «белым генералом», как делали иные публицисты, но подчёркивается не меньшая значимость Скобелева для Туркестанского края (Увековечение имени Скобелева в Туркестане // Русский инвалид (г. С.-Петербург), 1907. № 244. 9 ноября. С. 2). Стоит отметить, впрочем, что первый проект памятника ещё не был утверждён. 23 октября 1907 г. имя Скобелева было присвоено Новому Маргелану, областному городу Ферганской области, о чём с воодушевлением пишет автор. К слову, подобного увековечения фон Кауфман не получил.

На протяжении 20 лет после смерти Скобелева в Москве и Санкт-Петербурге возникали инициативные предложения по возведению ему памятника, а также переименования части Английской набережной на берегу Невы в его честь, начиная с заседания Петербургской думы 2 июля 1882 г. и вплоть до начала XX в. Для реализации проекта предлагалось также объявить подписку по всей России (Внутренние известия // Русский инвалид (г. С.-Петербург), 1901. № 89. 22 апреля. С. 3). Петербургская инициатива оказалась нереализованной. Наконец, 26 февраля 1908 г. была объявлена подписка на установку памятника в Москве. «Нет сомнения, что всякий русский, кому дороги величие и слава России, кто в сердце своем питает признательность к человеку, всего себя отдавшему на служение родине и её народу, пожелает принять участие в этом высоко патриотическом деле, сделав хотя-бы небольшое пожертвование для сооружения памятника М.Д. Скобелеву», – пишет по этому поводу автор «Русского инвалида» (Памятник М.Д. Скобелеву // Русский инвалид (г. С.-Петербург), 1908. № 58. 11 марта. С. 2), призывая приносить пожертвования в редакцию официальной газеты Военного министерства.

Памятник Скобелеву в Туркестанском крае имеет тоже непростую судьбу. К 25-й годовщине со дня смерти полководца генерал-губернатор Н.И. Гродеков также объявил сбор на установку памятника, но не в Ташкенте, а в Новом Маргелане в

Ферганской области. Это обусловлено не только победами Скобелева во время Кокандского похода, но и тем фактом, что Скобелев занимал пост военного губернатора Ферганской области в 1876–1877 гг. Для установки памятника также предполагалось использовать 20 % от собранных средств для возведения памятника в центре Москвы. Памятник был установлен в декабре 1907 г. (Внутренние известия. Туркестан // Русский инвалид (г. С.-Петербург), 1907. № 154. 14 июля. С. 4).

В конце статьи необходимо вновь коснуться судьбы проекта Микешина. Идея, как с сожалением писал Паренсов, «канула в вечность» (Паренсов П. Военные мысли // Голос правды (СПб), 1908. № 720. 8 февраля. С. 4). Впрочем, с этим не согласился в одном из следующих номер неизвестный читатель, отправивший в редакцию «РИ» письмо: «В Ташкенте, в городском саду, на самом видном месте стоит памятник покорения Туркестана русскими войсками. <...> При входе в сад общее внимание привлекает могучая фигура русского воина, водружающего знамя во вновь покоренной стране. <...> Таким образом, мысль Черняева достойно осуществлена, а во все “не канула в вечность”» (Письмо в редакцию «Русского Инвалида» // Русский инвалид (г. С.-Петербург), 1908. № 39. 15 февраля. С. 5).

Здесь нужно оговориться, что памятник по проекту Микешина был всё же реализован (читатель пишет как раз о нём), хотя и в более скромном исполнении: итоговый результат внешне повторял проект, но был меньше, вместо бронзы использовался гипс, покрашенный «под металл», куда скромнее был постамент. Памятник был установлен в 1890 г. в Городском саду Ташкента и просуществовал до 1918 г. (Сокол, 2001. С. 294).

Впрочем, даже этот памятник был назван «бутафорией» Антониной Черняевой, которая критически оценивала роль Гродекова в политике памяти о туркестанских генералах (Черняева 1909. С. 528). Вместе с тем Мустафин в вышеупомянутом ответном письме заявлял, что гипсовая фигура будет заменена бронзовой. Правда, на практике это не было реализовано. Продолжая дискуссию, начатую «читателем А.К.» в «Русском инвалиде», известный русский путешественник и исследователь генерал Д.Н. Логофет критикует удовлетворенность таким памятником русскому солдату, который «может быть разрушен даже хорошо бурей, рассыпавшись при этом в

порошок». Причиной того, что памятник по проекту Микешина так и не был отлит в бронзе, он называет «невозможность изыскать средства». Вместе с тем он снова поднимает вопрос о новом памятнике Черняеву (не считая бюста) и предлагает найти компромисс в виде общего памятника фон Кауфману и Черняеву в сочетании с фигурой Александра II, которому «эти два замечательных государственных деятеля подносят Туркестанский край – эту жемчужину в Его короне» (Логофет Д. О памятнике покорителям и устроителям Туркестана // Русский инвалид (г. С.-Петербург), 1908. № 77. 3 апреля. С. 5).

Таким образом, многолетняя дискуссия по поводу установки военных памятников в Туркестане оказалась многослойной. Она включала в себя несколько нарративов. Прежде всего, речь шла о самом содержании памятника участникам туркестанских походов, где на первое место вышло противостояние между сторонниками памятников Черняева и фон Кауфмана, по-разному оценивавших их личности для истории Туркестанского края. Первые утверждали о зависимости от Черняева всех последующих заслуг фон Кауфмана, вторые же указывали на то, что масштаб их деятельности несопоставим. Помимо заслуг и личных качеств важно отметить и национальный подтекст: часть публицистов (например, А.С. Суворин) усматривали в иерархии памятников «принижение русских деятелей» из-за немецкого происхождения фон Кауфмана, другие же поддерживали Черняева как панслависта. В значительной степени дискуссия касалась и темы противостояния «устроителей», т. е. администраторов и чиновников, пусть и военных, и «завоевателей». Здесь же необходимо отметить и поднятый вопрос вокруг установки памятника Скобелеву, который был реализован в виде бюста в Новом Маргелане / Скобелеве, при этом сам Скобелев оказался наименее спорной фигурой. Компромиссным в ходе дискуссии выглядит предложение, к примеру, Логофета, считавшего, что если и изображать вместе Черняева, фон Кауфмана и других русских полководцев, то как часть большой композиции памятника Александру II.

Ещё одной темой стало обсуждение характера памятника. Часть публицистов отмечала необходимость установки общего памятника участникам туркестанских походов, но проекты были реализованы лишь частично во многом из-за систематической

нехватки средств. В итоге грандиозный монумент «Войскам, покорившим Туркестан», который мог объединить все стороны, так и не был создан в своём проектом варианте. В целом все проблемы по установке памятников можно свести к трём основным компонентам: финансовые ограничения, административные разногласия, политические события (в частности, начавшаяся Первая мировая война).

В дискуссии участвовали, главным образом, консервативные круги, в числе которых были и «старые туркестанцы», участники походов и сослуживцы тех, кому предполагались памятники, и официальные лица.

В результате дискуссии образы полководцев так и остались предметом споров, так и не приведя к

консенсусу, попытки создать «универсальный» символ интеграции (например, совместный памятник Кауфману и Черняеву) так и не были реализованы. Дискуссии вокруг памятников в Туркестане отражали глубокие противоречия имперской памяти: между централизацией исторического нарратива и локальными интерпретациями, между финансовой реальностью и символическими амбициями, между культом отдельных героев и поиском «общего» образа Туркестана в составе России. Эти процессы демонстрируют, как коммеморация становилась ареной борьбы за определение прошлого и будущего региона.

Список источников

Батищев Р.Ю. Память о войнах и «войны памяти» в современных memory studies: основные подходы к изучению и ключевые акторы // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2. № 1. С. 34–42. DOI: 10.15826/tetm.2021.1.005. EDN: BZOMCC.

Буганов А.В. Полководцы и военные герои в исторической памяти русского народа // *Труды института российской истории*. 2010. № 9. С. 160–173. EDN: RWGULN.

Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем : Исторический очерк. Ташкент : эл.-паров. типо-лит. О.А. Порцева, 1912. VI, II, 520 с.

Жердева Ю.А. Российские военные коммеморации в поздней Османской империи (1878–1918): политическая практика и культурный миф // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем : сборник статей и тезисов докладов Международной научной конференции, Липецк, 24–26 сентября 2015 года. Липецк : ИП Р.В. Першина, 2015. С. 92–97. EDN: VSOWKT.

Кит-ко М. 50-летие взятия Ташкента // *Туркестанские епархиальные ведомости*. Верный : Типо-лит. Л.Я. Зыряновой. 1915. № 16 (15 августа). С. 437–452.

Курков В.В. Сражение уральских казаков под Иканом на историческом фоне обороны Роркс-Дрифт: сравнительный анализ российского и британского опыта коммеморации военных подвигов // *Казачество*. 2023а. № 66 (1). С. 125–134. EDN: ANNSCG.

Курков В.В. Фермопилы российского казачества: проблемные аспекты коммеморации подвигов защитников Приамурья в XVII в. – от Кумарской битвы до обороны Албазина // *Казачество*. 2023б. № 71 (6). С. 150–156. EDN: JBUWLJ.

Лапин В.В. Трехсотлетие дома Романовых и военные юбилеи начала XX века // 400-летие дома Романовых: политика памяти и монархическая идея, 1613–2013 :

References

Batishchev R.Yu. (2021) War Memory and “Memory Wars” in Modern Memory Studies: the Main Approaches and Key Actors. *Tempus et Memoria*. Vol. 2. No. 1. P. 34–42. (In Russ.). DOI: 10.15826/tetm.2021.1.005. EDN: BZOMCC.

Buganov A.V. (2010) Commanders and military heroes in the historical memory of the Russian people. *Proceedings of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences*. No. 9. P. 160–173. (In Russ.). EDN: RWGULN.

Dobrosmyslov A.I. (1912) Tashkent in the Past and Present. Tashkent: El.-Steam Typo-Lith. O.A. Portseva. VI, II, 520 p. (In Russ.).

Zherdeva Y.A. (2015) Russian Military Commemorations in the Late Ottoman Empire (1878–1918): Political Practice and Cultural Myth. *Constructive and Destructive Forms of Mythologization of Social Memory in the Past and Present: Collection of Articles and Abstracts of the International Scientific Conference, Lipetsk, September 24–26, 2015*. Lipetsk: IP Pershina R.V., P. 92–97. (In Russ.). EDN: VSOWKT.

Kit-ko M. (1915) 50th Anniversary of the Capture of Tashkent. *Turkestanskiye Eparkhialniye Vedomosti (Turkestan Diocesan Gazette)*. Verny: Typo-lit. L. Y. Zyryanovoy. No. 16 (August 15). P. 437–452. (In Russ.).

Kurkov V.V. (2023a) The Battle of the Ural Cossacks near Ikan against the Historical Background of the Defense of Rorke's Drift: A Comparative Analysis of the Russian and British Experience of Commemoration of Military Exploits. *The Cossacks*. No. 66 (1). P. 125–134. (In Russ.). EDN: ANNSCG.

Kurkov V.V. (2023b) Thermopylae of the Russian Cossacks: Problematic Aspects of Commemorating the Exploits of the Defenders of the Priamur'e in the XVII Century - from the Battle of Kumar to the Defense of Albazin. *The Cossacks*. No. 71 (6). P. 150–156. (In Russ.). EDN: JBUWLJ.

Lapin V.V. (2016) The Three Hundredth Anniversary of the Romanov House and Military Anniversaries of the Early Twentieth Century. *The 400th Anniversary of the Romanov*

сборник статей конференции, Санкт-Петербург, 27–28 марта 2014 года. СПб.: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге», 2016. С. 164–180. EDN: XMQJAD.

Лапин В.В. Память о «Покорении Туркестана». Войны дореволюционной России в символическом измерении // Россия XXI. 2020а. № 1. С. 96–117. EDN: ENBHFC.

Лапин В.В. «Покорители Туркестана». Главные лица присоединения Средней Азии в исторической памяти России // Россия XXI. 2020b. № 2. С. 72–97. EDN: UJZGFJ.

Лизогуб А.С. Императорское Русское военно-историческое общество и формирование исторической памяти о военных событиях в начале XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024а. Т. 24. № 2. С. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V329. EDN: GPNWRG.

Лизогуб А.С. Летопись военной истории Российской империи: к проблеме коммеморации памятных дат в начале XX века // Культурный ландшафт регионов. 2024b. Т. 6. № 2. С. 36–53. DOI: 10.17748/2686-8814-2024-6-2-36-53. EDN: TNSMEP.

Лизогуб А.С. Юбилей военных событий в политике памяти Российской империи начала XX столетия // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2024с. Т. 11. № 4 (44). С. 34–39. DOI: 10.24147/2312-1300.2024.11(4).34-39. EDN: AIZLBS.

Лизогуб А.С. Генералиссимус А.В. Суворов: личность полководца в политике памяти Российской империи начала XX века // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 1. С. 431–451. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-431-451. EDN: BMVHBD.

Мустафин В. О Н.И. Гродекове // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1910. Вып. 1–4. М.: Синодальная типография, 1910. Вып. 3. С. 474–475.

Прасолов Д.Н. Исторические юбилеи покорения Кавказа в символической политике кавказских наместников в конце XIX – начале XX в. // Вестник КБИГИ. 2022. № 1 (52). С. 22–34. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-1-52-22-34. EDN: QOYTPE.

Рахимов Р.Н. Туркестанские походы второй половины XIX в.: опыт военной истории России в современных «войнах памяти» // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 5(38). С. 202–217. EDN: WXIPZL.

Рыжова А.П. «Теперь уже часть дорогой России»: празднование 300-летнего юбилея Дома Романовых в Узбекистане // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 12. С. 38–41. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.12.25. EDN: XZVZOI.

Сокол К.Г. Монументы империи. Москва: Грантъ, 2001. 455, [1] с.

Dynasty: The Politics of Memory and the Monarchist Idea, 1613-2013. Conference proceeding. St.-Petersburg, March 27-28, 2014. St. Petersburg: Independent not-for-profit educational organization of higher education “European University at St. Petersburg”. P. 164-180. (In Russ.). EDN: XMQJAD.

Lapin V.V. (2020a) The memory of the “Conquest of Turkestan”. The wars of Prerevolutionary Russia in the symbolic dimension. *Russia XXI*. No. 1. P. 96-117. (In Russ.). EDN: ENBHFC.

Lapin V.V. (2020b) “The conquerors of Turkestan”. The main figures of the Annexation of Central Asia in the Historical Memory of Russia. *Russia XXI*. No. 2. P. 72-97. (In Russ.). EDN: UJZGFJ.

Lizogub A.S. (2024a) Imperial Russian Military Historical Society and the Formation of Historical Memory of Military Events in the Early 20th Century. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. Vol. 24. No. 2. P. 5-15. (In Russ.). DOI: 10.37482/2687-1505-V329. EDN: GPNWRG.

Lizogub A.S. (2024b) Chronicle of the Military History of the Russian Empire: On the Problem of Commemoration of Memorable Dates at the Beginning of the Twentieth Century. *Cultural Landscape of Regions*. Vol. 6. No. 2. P. 36-53. (In Russ.). DOI: 10.17748/2686-8814-2024-6-2-36-53. EDN: TNSMEP.

Lizogub A.S. (2024c) Anniversary of Military Events in the Policy of Memory of the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century. *Herald of Omsk University. Series Historical Studies*. Vol. 11. No. 4 (44). P. 34-39. (In Russ.). DOI: 10.24147/2312-1300.2024.11(4).34-39. EDN: AIZLBS.

Lizogub A.S. (2025) Generalissimo A.V. Suvorov: General’s Persona in Memory Politics of Early 20th Century Russian Empire. *Scientific Dialogue*. Vol. 14. No. 1. P. 431-451. (In Russ.). DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-431-451. EDN: BMVHBD.

Mustafin V. (1910) On N.I. Grodekov. *Russkii arkhiv. Istoriiko-literaturnyi sbornik*. Iss. 1-4. Moscow: Sinodal’naia tipografiia. Iss. 3. P. 474-475. (In Russ.).

Prasolov D.N. (2022) Historical anniversaries of the conquest of the Caucasus in the symbolic policy of the viceroys of the Caucasus in the late 19 – early 20. *KBIHR Bulletin*. No. 1 (52). P. 22-34. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-1-52-22-34. EDN: QOYTPE.

Rakhimov R.N. (2016) The Turkestan Campaigns of the Second Half of the 19th Century: The Experience of Russian Military History in Modern “Memory Wars”. *National Strategy Issues*. No. 5 (38). P. 202-217. (In Russ.). EDN: WXIPZL.

Ryzhova A.P. (2021) “Now Part of Dear Russia”: Celebration of the 300th Anniversary of the Romanov Dynasty in Uzbekistan. *Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*. No. 12. P. 38-41. (In Russ.). DOI: 10.37882/2223-2982.2021.12.25. EDN: XZVZOI.

Sokol K.G. (2001) Monuments of the Empire. Moscow: Grant. 455, [1] p. (In Russ.).

Сосницкий Д.А. Памятники воинской славы Санкт-Петербурга XVIII – начала XX в. как инструмент исторической политики // *Via in tempore. История. Политология*. 2023. Т. 50. № 1. С. 130–139. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-130-139. EDN: CJZDSX.

Ткаченко Д.С. Образ генерала П.С. Котляревского в имперской идеологии и мемориальной деятельности на Кавказе в XIX в. // *История: факты и символы*. 2017. № 1 (10). С. 73–80. EDN: YHRBIH.

Черняева А.М. О М.Г. Черняеве. Из письма его дочери к издателю «Русского архива» // *Русский архив. Историко-литературный сборник*. 1909. Выпуски 9–12. М.: Синодальная типография, 1909. Вып. 12. С. 525–528.

Шавельский Г. Корреспонденции. Из Ташкента // *Вестник военного и морского духовенства*. Санкт-Петербург: Типография «Сельского Вестника» 1913. № 11/12 (1–15 июня). С. 434–438.

Шрейдер П.И. По окраине: (От Ташкента до Каракола): Путевые очерки П.И. Шрейдера. Санкт-Петербург: Тип. В.В. Комарова, 1892. 192 с.

Шрейдер П.И. Русский герой: Памяти Мих. Григ. Черняева. Санкт-Петербург: Типо-лит. В.В. Комарова, 1903. 24 с.

Информация об авторе

Кирильчик Денис Викторович,
ассистент Высшей школы общественных наук,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
литера Б, Россия,
e-mail: kirilchik.denis@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0007-2977-3022>

Вклад автора

Кирильчик Д.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 14 января 2026 г.; одобрена после рецензирования 26 января 2026 г.; принята к публикации 2 февраля 2026 г.

Sosnitskii D.A. (2023) Monuments of Military Glory of St. Petersburg XVIII – Early XX Century as an Instrument of Historical Politics. *Via in tempore. History and political science*. Vol. 50. No. 1. P. 130-139. (In Russ.). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-130-139. EDN: CJZDSX.

Tkachenko D.S. (2017) The Image of General P.S. Kotlyarevsky in Imperial Ideology and Commemorative Activities in the Caucasus in the XIX Century. *History: Facts and Symbols*. No. 1 (10). P. 73-80. (In Russ.). EDN: YHRBIH.

Chernyaeva A.M. (1909) On M.G. Chernyaev. From a Letter by His Daughter to the Publisher of “Russkii arkhiv”. *Russian Archive. Historical and Literary Collection*. Iss. 9-12. Moscow: Synodal Printing House. Iss. 12. P. 525-528. (In Russ.).

Shavel'skii G. (1913) Correspondence. From Tashkent. *Bulletin of the Military and Naval Clergy. Saint Petersburg: Printing House of the "Village Bulletin"*. No. 11/12 (1-15 June). P. 434-438. (In Russ.).

Shreider P.I. (1892) On the Outskirts: (From Tashkent to Karakol): Travel Essays by P.I. Shreider. St. Petersburg: V.V. Komarov Printing House. 192 p. (In Russ.).

Shreider P.I. (1903) Russian Hero: In Memory of Mikhail Grigorievitch Chernyaev. St. Petersburg: V.V. Komarov Printing House. 24 p. (In Russ.).

Information about the author

Denis V. Kirilchik,
Assistant of High school of social sciences,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
29, build. B, Politekhnicheskaya St., Saint Petersburg 195251,
Russia,
e-mail: kirilchik.denis@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0007-2977-3022>

Contribution of the author

Kirilchik D.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 14, 2026; approved after reviewing January 26, 2026; accepted for publication February 2, 2026.